

Валентина Голубовская

«Будут бить поэта Шенгели»

Впервые это имя – Шенгели – я прочла в далекой юности, читая Константина Паустовского, именно в этой фразе. Из афиши Вечера одесских поэтов. Провокативная строка на афише оказалась пророческой, хоть на поэтическом вечере поэта не били. Били потом – цензура, издательства, критики, собратья по переводческому и поэтическому цеху, бездомность, голод... Почти всю жизнь.

Фамилия Шенгели мне понравилась своей неординарностью, но стихи этого поэта, недоступные в те годы (в Научную библиотеку школьников не записывали, а в доступных библиотеках их не было), пришли ко мне позже, когда я вышла замуж. Уже тогда у Жени был один (или два) из первых сборников стихов Георгия Шенгели, изданных в начале 20-х годов. Но за эти полвека сложилась своеобразная шенгелиана. Но о ней дальше.

Я пишу эти строчки под впечатлением от прочитанной недавно книги Василия Молодякова «Георгий Шенгели (1894-1956): биография» (М.: Водолей, 2016)».

Огромный том в 618 страниц. Огромный труд. Особенно удивительно, что автор – японист, профессор Токийского университета и, судя по книге, страстный библиофил и собиратель русской поэзии.

В книге, как говорится, шаг за шагом, год за годом, от предков, от рождения до кончины, через мытарства и непродолжительные передышки, проходит жизнь поэта Георгия Аркадьевича Шенгели.

В книге много имен, связанных с Одессой. Не только знаменитых поэтов и прозаиков, но и вроде менее известных, хоть это определение и не очень точное. Как много сделали Сергей Зенонович Лущик и Александр Юльевич Розенбойм (Ростислав Александров)! В книге ссылки на них. И на альманах «Дерибасовская – Ришельевская», где оба печатались...

Мне было необыкновенно интересно читать переписку Георгия Аркадьевича Шенгели и его жены Нины Леонтьевны Манухиной с Иваном Ивановичем Пузановым, последние десятилетия его долгой талантливой жизни были связаны с Одессой. Иван Пузанов – не только крупнейший ученый, боровшийся с «учением» Трофима Лысенко, но и переводчик, и поэт. Из этой части его наследия не многое было издано. И верный друг двух поэтов – Максимилиана Волошина и Георгия Шенгели. Волошин присылал Пузанову в письмах свои акварели размером в открытку, чтобы поместилась в конверт. Одна из таких акварелей хранится у нас.

И еще о дружбе. Георгий Аркадьевич Шенгели и Владимир Алексеевич Пяст.

Владимир Пяст отбывал в 30-е годы ссылку в Одессе. Мы дружили с его падчерицами Натальей Филипповной Полторацкой и Татьяной Филипповной Фогт-Стояновой. Евгений Голубовский успел переиздать книгу стихов Владимира Алексеевича Пяста «Ограда» со своим предисловием. «Вне ограды». Это была последняя книга, которую Наталья Филипповна держала в руках перед кончиной. Несколько лет назад зять Н.Ф. Полторацкой Анатолий Катчук издал в Одессе два тома из наследия Владимира Пяста. В последние годы появилась не одна публикация о Владимире Пясте за пределами Одессы. Не знаменитый Пяст, но и не забытый. Поэтому мне кажется, что упомянутый в стихотворении Шенгели Владимир – «Он знал их всех и видел всех почти: Валерия, Андрея, Константина, Максимильяна, Осипа, Бориса, Ивана, Игоря, Сергея, Анну, Владимира...» – конечно же, не Маяковский, из-за которого была в немалой степени исковеркана жизнь Георгия Аркадьевича. И даже не Владимир Нарбут, как пишет, ссылаясь на своего научного редактора В.А. Резвого, автор книги, а Владимир Алексеевич Пяст. При всем уважении к автору и научному редактору за книгу о Шенгели, на мой взгляд, все же скорее

упомянут Владимир Пяст. «Сюда нередко вхож и част Пестецкий, или просто Пяст. В его убогую суму Бессмертье бросим и ему». Велимир Хлебников. По мировоззрению, по судьбе, не ласковой к ним обоим, по «убогой суме» он был ближе Георгию Шенгели. Но это всего лишь мое предположение.

Не стану писать об упоминаниях других одесситов, но об одном, не упомянутом в этой «Биографии Георгия Шенгели», мне хочется здесь вспомнить. Я ведь не рецензию пишу, а свои впечатления, может, даже скорее воспоминания читательницы, которые вызвала эта действительно замечательная книга. И здесь я возвращаюсь к нашей шенгелиане.

Шенгелиана – громко сказано. Он не был тем поэтом, за сборниками которого Голубовский гонялся. Он тогда искал (и находил!) литографированные книжечки, которые делали Хлебников, Крученых с Натальей Гончаровой и Михаилом Ларионовым, книжечки издательства «Омфалос» и одесские альманахи того же времени. Но когда у какого-нибудь букиниста попадалась книжечка Шенгели, непременно покупал и радовался приобретению. Иногда книги дарили. И об одном дарителе мне и хочется вспомнить. Тем более что подарил он Жене несколько книг. И на всех подаренных, а иногда купленных, стоит владельческая надпись «Из библиотеки Алексея Борисова».

Но прежде чем вернуться к Шенгели, несколько слов об Алексее Михайловиче Борисове, который о себе тоже мог сказать словами Шенгели: «Он знал их всех...».

Чуть ли не в мальчишеском возрасте, во всяком случае, в ранней юности он послал какую-то заметку о рабочих в Одессе в один из первых номеров «Правды». И остался на протяжении жизни старейшим рабкором. Хоть в «Правду» со временем писать перестал. А был он молотобойцем на заводе Гена, выпускавшем сельхозтехнику. В 1941 году этот завод, уже переименованный в ЗОР, стал выпускать для обороны Одессы легендарные танки «На испуг» – тракторы, облицованные металлическими листами. А сам Борисов во время обороны Одессы был ранен и отправлен в эвакуацию. Семен Гехт, добравшийся до Одессы через две недели после ее освобождения, вспоминал друга юности и жалел, что не довелось встретиться с Алексеем Борисовым, тот еще не вер-

нулся в родной город. Писал в молодости Алексей Михайлович стихи, ходил в поэтические кружки, где познакомился с Багрицким и другими, еще только начинавшими поэтами. Не пропускал поэтические вечера. Был знаком со всеми одесскими поэтами и прозаиками. Даже у нас несколько книг из его библиотеки с добрыми надписями от старых друзей. Его вспоминали многие. В книге Семена Гехта с его дарственной надписью Алексею Борисову много самых теплых слов о старом друге. Много лет Гехт помнил его адрес на Молдаванке – Степовая, 38.

Уже в преклонные годы Борисов работал в отделе писем областной газеты, и его вспоминает Феликс Кохрихт в очерке «Пять редакторов», опубликованном в альманахе «Дерибасовская – Ришельевская»: «В отделе писем работал старейший журналист, очень скромный и добрый человек Алексей Михайлович Борисов».

А.М. Борисов ходил в Дом ученых на заседания секции библиофилов. Там он с Женей и познакомился. Приглашал к себе. Какие-то книги Женя у него покупал. Но книги с дарственными надписями ему Алексей Михайлович не продавал, а передаривал. Так среди других он подарил «Дон Жуан» Байрона в переводе Георгия Шенгели с автографом переводчика. На титуле автограф «Дорогому Алексею Михайловичу Борисову – другу героических лет. Г. Шенгели. Москва. 20.7.48 год». Здесь же запись «Из библиотеки Ал. Борисова. 26.7.48 года».

Алексей Михайлович рассказал, что 1948 году Георгий Шенгели приезжал в Одессу и подарил тогда «Дон Жуан». Потом достал визитную карточку, оставленную ему Георгием Аркадьевичем. На обороте надпись почерком Борисова: «Лондонская. К 5 часам». Визитка была приложена к «Дон Жуану» и тоже подарена. Хранится.

Думаю, что своеобразным вкладом в шенгелиану могут быть две публикации. Одна давняя, другая уже последних лет.

В 1969 году Евгений Голубовский и Сергей Калмыков побывали у Нины Леонтьевны Манухиной. Вдова Шенгели любезно передала двум одесситам пачку машинописных страниц со стихами Шенгели. В машинке была красная лента, сверху черными чернилами почерком поэта написано: «Георгий Шенгели». Сергей

Калмыков сфотографировал портрет Георгия Аркадьевича работы Вильгельма Левика и рукописную страницу, на которой со многими отрывками, исправлениями и пометками начало стихотворения «Панцирь» с эпиграфом из В. Жуковского. Вернувшись в Одессу, Голубовский в «Комсомольской искре» опубликовал два стихотворения:

Мы живем на звезде. На зеленой.
Мы живем на зеленой звезде,
Где спокойные пальмы и клены
К затененной клонятся воде.

Мы живем на звезде. На лазурной.
Мы живем на лазурной звезде,
Где Гольфштром извивается бурный,
Зарождаясь в прозрачной воде.

Но кому-то захочется славой
Прогреть навсегда и везде, –
И живем на звезде, на кровавой,
И живем на кровавой звезде.

31.VII.1942 Фрунзе

И второе стихотворение – «Поэт»:

Черт его знает, как он это делал,
И что тут было: чудо или фокус,
Или гипноз?.. Он заходил в харчевни,
В кофейни, в школы, в частные дома;
Войдет, промнетса, поглядит налево,
Направо, тронет вещь какую-либо
И вдруг метнет, ладонь расправля, руку,
А на ладони – синий мотылек.
Громадный, синий, бархатный, бразильский!..

И фото портрета Шенгели, написанного переводчиком, поэтом и художником Вильгельмом Левиком. Сделанное Сергеем Калмыковым. Эту публикацию Женя предварил своим небольшим вступлением, которое начал словами Юрия Олеши из письма для первого после смерти вечера памяти Георгия Шенгели, показанное Ниной Леонтьевной. Олеша болел, письмо прочитал ведущий вечера, переводчик и поэт Сергей Васильевич Шервинский.

Георгий Шенгели. Эту фотографию Нина Манухина подарила Сергею Калмыкову

«Он поразил меня, потряс навсегда. В черном сюртуке, молодой, красивый, таинственный, мерцающий золотыми, как мне тогда показалось, глазами, он читал необычайной

красоты стихи, из которых я тогда понял, что это рыцарь слова, звука, воображения... Одним из тех, кто был для меня ангелами, провожавшими меня в мир искусства, и, может быть, с наиболее пламенным мечом, – был именно Георгий Шенгели. Я славлю его в своей душе всегда!»

Это была, пожалуй, первая публикация двух стихотворений Георгия Шенгели после его кончины.

После этого наша шенгелиана долго не пополнялась. Ее пополнением в последние два десятилетия мы обязаны, прежде всего, Вадиму Перельмутеру. Так появились, среди других, «Иноходец», «Сонеты» и «Избранное» Шенгели. И книжечка стихов жены Георгия Шенгели Нины Манухиной «Смерти неподвластна лишь любовь». Правда, это вторая книжечка стихов Нины Леонтьевны Манухиной. Есть еще одна – прижизненное издание с автографом:

Нина Манухина. Не то... Лирика. 1920 год. Москва. Издание автора. Автограф: «Милой-милой Наталье Николаевне вместо письма. Не судите строго детские стихи, ценные только искренностью. Нина».

Радуюсь возвращению стихов Шенгели из насильственного забвения, Голубовский огорчился, что не вошли в эти издания «Еврейские поэмы». И републиковал их в сборнике Одесского литературного музея «Дом князя Гагарина». Выбрал из двух изданий – харьковского и одесского – это: Георгий Шенгели. Еврейские поэмы. Изд-во «Аониды». Одесса. 1920 год. 340 экз.

Так что наша скромная шенгелиана приобретает все более объемный характер.

Вот и книга Василия Молодякова о Шенгели, надеюсь, не последняя в этом собрании.

И все более ярко возникает образ поэта Георгия Аркадьевича Шенгели.

Как в заключительных строчках стихотворения о поэте:

Так он скитался. Жил он без прописки.
Он не платил ни податей, ни пошлин.
Был некрасив, бедно одет. – И звали
Его слегка насмешливо: «поэт».

